

• РЕЦЕНЗИИ •

УДК: 930.1
ББК: 63.3(2)43
DOI 10.25797/NG.2022.13.1.008

Л. Н. Аряев

КТО И КАК ИЗОБРЕЛ НОРМАННСКИЙ ВОПРОС. (РЕЦ. НА: *ВЕРХОТУРОВ Д. Н. ТРИ ВЕКА СПОРА О ВАРЯГАХ. ЛЕТОПИСЬ И ВАРЯГИ. М.: ВЕЧЕ, 2020. 320 С.)*

Аннотация: В данной работе рассматривается монография Д. Н. Верхотурова, посвященная историографии вопроса о варягах и их роли в создании Древнерусского государства. Несмотря на ряд методологических промахов и спорных выводов, книга Д. Н. Верхотуров содержит новые перспективные подходы, малоизвестные факты и оригинальные наблюдения. Она послужит ценным вкладом в дискуссии по норманнскому вопросу.

Ключевые слова: историография, варяги, Древняя Русь, норманизм, антинорманизм.

Пресловутый норманнский вопрос продолжает волновать как профессиональных историков, так и широкую общественность. В 2020 году в издательстве «Вече» была опубликована книга Д. Н. Верхотурова «Три века спора о варягах. Летописи и варяги».

После выхода блистательного «Спора о варягах» Л. С. Клейна¹ в 2009 г. это первый обстоятельный историографический обзор норманнского вопроса – одного из самых давних и самых дискуссионных в отечественной исторической науке. Правда, к историографии варяжской проблемы часто

обращаются представители немногочисленной, но активной когорты современных радикальных антинорманистов. Однако их работы посвящены большей частью апологетике или ниспровержению давно почивших ученых и содержат удручающе мало нового материала. Многочисленные публикации В. В. Фомина и его последователей² в основном воспроизводят положения его докторской диссертации «Варяго-русский вопрос в отечественной историографии XVIII–XX вв.», защищенной еще в 2005 году³. К тому же историографические работы Фомина – это не столько обзоры, сколько полемика и попытки косвенными данными подтвердить собственную гипотезу, что существенно снижает объективность и познавательную

² См., напр., *Фомин В. В.* 1) Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссий по варяжскому вопросу. М., 2005.; 2) Голый конунг: Норманизм как диагноз. М., 2013.; 3) Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006; Варяго-русский вопрос в историографии: Сборник статей и монографий / Сост. и отв. ред.: В. В. Фомин. М., 2010; Скандинавомания и ее небылицы о русской истории / Сост. и ред. В. В. Фомин. М., 2015; см. также предисловия В. В. Фомина к переизданиям В. Н. Татищева, С. А. Геденова и др.

³ *Фомин В. В.* Варяго-русский вопрос в отечественной историографии XVIII–XX вв. Автореферат диссертации ...доктора исторических наук: 07.00.02, 07.00.09 / Ин-т рос. истории РАН. М., 2005.

¹ *Клейн Л. С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб, 2009.

ценность его работ. Потребность в новом обстоятельном труде по историографии спора о варягах, без сомнения, назрела, и появление книги Д. Н. Верхотурова можно только приветствовать.

Автора нельзя назвать стоящим над схваткой – в споре о варягах он принимал участие неоднократно⁴, его позиция хорошо известна и четко обозначена. Тем не менее, Д. Н. Верхотурову в своей книге удалось соблюсти сколь возможно нейтральный и взвешенный тон. Заметно, что целью его было не посрамление оппонентов, а попытка разобраться, откуда проистекает крайняя политизированность и повышенная эмоциональность норманнских дискуссий.

По сравнению со ставшей, наверно, классической работой незабвенного Льва Самуиловича Клейна (в публикации которой Верхотуров принимал активное участие⁵) рассматриваемая книга более обстоятельна и подробна. В «Споре о варягах» повествование фокусируется на трех наиболее известных дискуссиях, служащих своего рода «узловыми точками» – диспутах М. В. Ломоносова с Г. Ф. Миллером, М. П. Погодина с Н. М. Костомаровым и Л. С. Клейна с И. П. Шаскольским. Работы других историков, касающихся норманнской проблемы, в «Споре о варягах» лишь бегло упоминаются. Основное внимание Л. С. Клейн уделял не отдельным авторам и работам, а выдвигаемым аргументам. Систематизация доказательств за и против норманнства варягов-руси, распределение доводов по ступенькам «лестницы в преисподнюю норманизма»⁶ – главная изюминка и главное достоинство работы Клейна, не имеющей

аналогов по наглядности и компактности изложения крайне сложного и запутанного материала. В «Трех веках...» историографический материал представлен гораздо объемнее. Чувствуется, что годы предварительной работы, о которой автор говорит во введении к своей книге, не прошли даром: автору удалось «составить нечто вроде детального историографического обзора дискуссии с рассмотрением аргументов норманистов и антинорманистов и развития хода спора» (с. 4).

Обширность материала, видимо, послужила причиной того, что в рассматриваемой работе изложение завершается на А. А. Шахматове. Развитие спора о варягах в послереволюционное время представлено в работе «Свидетельства мертвых варягов», вышедшей в 2021 году⁷. Это вполне оправдано, однако же диссонирует с названием: книга охватывает материал с 1749 по 1917 гг., что явно меньше заявленных в заглавии «трех веков». Да и будучи доведенной до текущего года, история спора о варягах всё равно не дотянула бы до трехсот лет.

Видимо, «круглая» цифра в заглавии книги – лишь уступка литературной составляющей работы. Вообще книга Д. Н. Верхотурова написана хорошим и живым языком, читается буквально «на одном дыхании» и доступна не только профессиональным историкам, но и всем интересующимся прошлым России.

При всем при этом высокое литературное качество книги не мешает быть ей научно выверенной и информационно насыщенной. Несомненным достоинством Д. Н. Верхотурова является подробное освещение тех деталей «варяго-русской» историографии, которым обычно уделяется мало внимания. Примечательна глава с характерным названием «Немецкие духи бестелесные» (с. 131-149), где представлены краткие биографии и обзоры трудов Ф. И.

⁴ *Верхотуров Д. Н.* 1) Неизвестный Михайло Ломоносов // Альманах Лебедь, № 343, 5 октября 2003. URL: <http://lebed.com/2003/art3494.htm> (дата обращения: 02.02.2022) 2) Продолжение спора о варягах // Альманах Лебедь, № 432, 3 июля. 2005. URL: <http://lebed.com/2005/art4239.htm> (дата обращения: 02.02.2022).

⁵ *Верхотуров Д. Н.* Донос как метод научной полемики. // *Valla*. Т. 1. № 6. 2015. С. 117-118.

⁶ *Клейн Л. С.* Спор о варягах... С. 45-46, 121.

⁷ *Верхотуров Д. Н.* Свидетельства мертвых варягов: история трех веков спора о варягах. М., 2021.

Круга, А. Х. Лерберга, Х. Д. Френа, Г. Ф. Холлманна, Г. А. Розенкампа, Ф. К. Г. Крузе. Выявление и корректировка погрешностей хронологии Начальной летописи, лингвистический анализ русских названий днепровских порогов, введение в научный оборот арабских письменных и нумизматических источников, сравнительный анализ правовых памятников Руси и Скандинавии, начало археологических исследований скандинавских погребений в Прибалтике – всё это, без чего невозможно себе представить подлинно научное изучение варяжского вопроса, было сделано этими скромными и упорными тружениками, мало известными при жизни и замалчиваемыми после смерти. Не меньшее внимание Д. Н. Верхотуров уделяет А. А. Кунику, применившему новаторский в то время историко-генетический метод языкознания и установившему неславянское происхождение слов «варяг» и «русь».

Также Д. Н. Верхотуров подчеркивает заслугу «немецких духов бестелесных» и их русских последователей (в первую очередь П. С. Савельева) в изучении балтийско-волжского торгового пути (с. 180-181). В отличие от ставшего хрестоматийным пути «из варяг в греки», этот торговый маршрут не был отражен в летописном повествовании, его существование и его важнейшая роль в ранней истории Древней Руси были установлены путем привлечения восточных источников, археологических и нумизматических материалов. Полностью значение этого открытия, сделанного еще в первой половине позапрошлого века, было оценено лишь относительно недавно, когда центр внимания исследователей сместился на изучение культурных и экономических связей Древней Руси в контексте евразийской торговли⁸.

⁸ Коновалова И. Г., Мельникова Е. А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций (IX–X вв.). М., 2018. С. 8-9.

Находит Д. Н. Верхотуров пару добрых слов и о А. Л. Шлёцере (с. 86 и далее). Несколько поколений историков и публицистов повторяли уничижительную критику его «Русской грамматики» М. В. Ломоносовым, не удосуживаясь проверить, действительно ли Шлёцер выводил слово «барин» из слова «баран», а слово «князь» – из слова «кнехт». Как-то не задумывались над тем, что Ломоносов был человеком заинтересованным, что он воспринимал попытку молодого немецкого ученого написать русскую грамматику как покушение на свою сферу компетенции и потому ожидать от него беспристрастности было бы странно, особенно если он называет своего коллегу «скотиной». На самом деле Шлёцер сопоставлял «барина» с «бароном», а начальным их значением считал слово «свободный»⁹. «Князя» он действительно сближал с «кнехтом», но само слово «кнехт» он, в свою очередь, сравнивал со словом «knight»¹⁰, так что никакого стремления «унизить» русских, которое ему приписывал Ломоносов, тут не было и быть не могло. Увы, Ломоносов тенденциозно искажал мысли оппонента, и Д. Н. Верхотуров в своей книге очень наглядно это показывает (с. 90-91).

Довольно неприглядно выглядел Ломоносов и в другом эпизоде, также освещенном в книге Д. Н. Верхотурова – когда вместе с В. К. Третьяковым производил обыск на квартире у Миллера (с. 44). Вид светил отечественной литературы, копающихся в бумагах ошельмованного ученого, способен причинять почти физическую боль, но что поделать, если таковы были тогдашние нравы. Тем более что обыск имел место в ходе ожесточенных междоусобных дрызг внутри Академии Наук, разгоревшихся задолго до знаменитого

⁹ Шлёцер, А. Л. Русская грамматика: 1-2 / А. Шлёцер; с предисловием С. К. Булича; издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1904. С. 35.

¹⁰ Там же. С. 52.

«норманнского» спора Миллера с Ломоносовым и никаким образом с этим спором не связанных. Как показывает Д. Н. Верхотуров, накал последующего спора во многом проистекает из предыдущих личных столкновений Ломоносова и Миллера (с. 39-47). Увидев в речи Миллера места, которые *можно было истолковать* как обидные для Российского государства, Ломоносов не преминул этим воспользоваться, представив своего давнего противника в максимально неблагоприятном свете (с. 68). По справедливому замечанию В. О. Ключевского, доводы Ломоносова были не столько убедительны, сколько жестоки¹¹.

Тем не менее, Д. Н. Верхотуров далек от того, чтобы огульно очернять Ломоносова. Он выступает за взвешенную оценку, справедливо замечая, что у Ломоносова достаточно настоящих заслуг, чтобы приписывать ему несуществующие (с. 53), например, пытаясь представить его самым великим русским историком XVIII столетия, стоящим высоко над зловерными норманистами Миллером и Шлёцером. Некритичные апологеты Ломоносова пытаются доказать, что уже к началу спора с Миллером он превосходил своего оппонента по историческим познаниям, и ссылаются на пометки, оставленные Ломоносовым на полях летописей. Д. Н. Верхотуров справедливо указывает, что этого маловато для того, чтобы стать профессиональным историком, и что вообще нет четких доказательств того, что пометки оставлены Ломоносовым до начала дискуссии с Миллером, а не после (с. 51-52).

Итог историографических усилий Ломоносова Д. Н. Верхотуров оценивает как «неудачу» (с. 75, 81). Однако же насколько основательно считать неудачей «Краткий Российский летописец» или первый том «Древней Российской истории»? Для своего времени эти труды были совсем не плохи, они пользовались популярностью у образованной публики и у профессиональных ученых, даже

критически настроенный Шлёцер на ранних этапах своей работы использовал труды Ломоносова¹². Если, как утверждает сам же Д. Н. Верхотуров, до 1749 года Ломоносов вообще не занимался историей, то приходится признать, что за кратчайший срок профессор химии сумел стать пусть и не великим, но хорошим для своего времени историком. Гениальность Ломоносова проявилась тут в полной мере. В то же время, если прав Фомин, утверждающий, что Ломоносов чуть ли не с детства интенсивно предавался историческим штудиям¹³, то достигнутые результаты действительно представляются более чем скромными и уж во всяком случае слабоватыми для настоящего гения.

Парадоксальным образом гениальность Ломоносова гораздо выразительнее показана именно Верхотуровым, нежели Фоминым.

Несмотря на ожесточенность, спор Ломоносова с Миллером всё же сохранил научный характер, что хорошо отражено в рассматриваемой работе. Приступив к изучению источников, Ломоносов, как настоящий ученый, не мог не поддаться силе фактов и сделал существенную уступку Миллеру, признав связь варягов со скандинавами. Единственное, на чем он продолжал настаивать – что среди варягов могли быть и славянские племена, каковым он считал конкретно варягов-русов (с. 80-81). Д. Н. Верхотуров справедливо замечает, что до определенного момента участники спора о варягах прислушивались к доводам оппонентов и не стыдились корректировать свои взгляды. Публичный диспут Погодина и Костомарова привел к тому, что последний фактически отказался от своей гипотезы «жмудской Руси» и даже не включил соответствующую статью в свое собрание

¹² Шлёцер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, имъ самимъ описанная. (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ: Томъ тринадцатый). СПб., 1875. С. 106.

¹³ Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь.... С. 88.

¹¹ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). М., 1989. С. 191.

сочинений. Погодин под воздействием критики Гедеонова существенно изменил свои позиции. Но вот сам Гедеонов к аргументам своих оппонентов остался глух, причем, как справедливо замечает Верхотуров (с. 244), этому плохому примеру стали подражать практически все последующие антинорманисты (одно из немногих исключений – Д. А. Авдусин¹⁴).

Невосприимчивость современных радикальных антинорманистов к критике и послужила одной из причин появления рассматриваемой книги. Целью автора было не только и даже не столько изучение историографии варяжской проблемы, сколько попытка разобраться, почему этот, казалось бы, чисто исторический вопрос утратил свою научную составляющую. Обычная ссылка на политизированность «норманнского вопроса» автора не удовлетворяет, поскольку нужно объяснить, почему политизированным оказалось именно происхождение варягов-руси и почему политизация оказалась столь сильной и длительной.

По словам Д. Н. Верхотурова, собранный им историографический материал долгое время не поддавался осмыслению в рамках единой концепции, отчего работа над книгой и затянулась почти на два десятилетия. Моментом истины для автора оказалось знакомство с работами Ш. Занда, Б. Андерсона, Э. А. Геллнера, П. Дж. Джери. Книга Шломо Занда «Кто и как изобрел еврейский народ» стала для Верхотурова «замковым камнем» (с. 7).

Вслед за названными авторами Д. Н. Верхотуров трактует национальности как «воображаемые сообщества», в становлении и сплочении которых важнейшую роль играют «национальные нарративы», т. е. связанные последовательные рассказы о славном прошлом предков. По выражению Д. Н. Верхотурова, «...в национальных нарративах древность и автохтонность происхождения

обосновывала все политические права нации, существование национального государства и владение им определенной территорией» (с. 32, синтаксис оригинала). Национальные нарративы, хотя и основаны на исторических источниках, тяготеют к мифологизации. Попытки критического пересмотра устоявшихся мифологем, как правило, крайне негативно воспринимаются широкой общественностью. При этом исторические и историографические вопросы (например, о времени появления народа на исторической арене, о его происхождении и занимаемых им в древности территориях и т. п.) очень быстро политизируются, и дискуссии о них теряют научный характер.

По мнению автора, славянство варягов-руси занимает столь же важное место в русском «национальном нарративе», какое в израильском придается достоверности библейских исторических рассказов. Отсюда и проистекают крайняя степень политизированности норманнского вопроса. Более того, норманнский спор, по Д. Н. Верхотурову, никогда и не обладал научной природой: «С самого начала это был политический спор, натянувший на себя одежды академичности, некоторые эпизоды которого оканчивались административными и политическими репрессиями» (с. 6). Автор тем самым ставит норманнский вопрос на одну доску с дебатами об исторической реальности Исхода или завоевания Ханаана в израильской историографии, которая, по словам Шломо Занда, под наукообразной формой протаскивала «нарратив, полностью соответствующий библейскому»¹⁵.

Признавая нации «воображаемыми сообществами», Верхотуров, однако, не считает их «нереальными» и подчеркивает, что формирование нации – объективный процесс (с.10); во многом в понимании происхождения и формирования национальностей Верхотуров следует

¹⁴ *Авдусин Д. А.* Современный антинорманизм. // Вопросы истории. № 7. 1988. С. 23-34.

¹⁵ *Занд Ш.* Кто и как изобрел еврейский народ. М., 2010. С. 186.

марксистской традиции, лишь подчеркивая значимость «надстроечной» составляющей – «национальных нарративов». Рассказы о древности и славных деяниях предков – не просто «идеологическое прикрытие», а важный инструмент национального строительства, без которого формирование нации вообще невозможно в принципе. «Если нет представления о древности, непрерывности, единстве и определенной исторической судьбы определенной общности, то общность эта в нацию оформиться не сможет», – постулирует автор и приходит к смелому, но по-своему последовательному выводу: «Поэтому не важно, сколько в национальном нарративе примешано вымысла, но важно, какая у него способность спланиваться и мобилизовывать нацию» (с. 9). Сразу бросается в глаза, что Д. Н. Верхотуров значительно упрощает картину: согласно Б. Андерсону, первые нации образовались в Новом Свете¹⁶, и в их «национальных нарративах» ни «древность», ни «непрерывность» и прочие домыслы ни малейшей роли не играли. Очевидно, автор больше ориентируется на опыт советских республик и постсоветских стран, в которых развитие и укрепление национализма было тесно сопряжено с продвижением идей древности и автохтонности «титовых» этносов¹⁷. Вымысла в возведенных при этом «нарративах» было немало, но для местных элит это не имело особого значения, – в этом Д. Н. Верхотуров абсолютно прав.

По мнению Д. Н. Верхотурова, ожесточенность спора о варягах обусловлена важностью «норманнского» вопроса в русском историческом нарративе: «Спор о варягах – это борьба вокруг русского национального нарратива, созданного ради оформления и сплочения русской нации» (С. 8). При столь высоких ставках ожидать от участников спора научной объективности и

беспристрастности было бы по меньшей мере наивным, да и осмысленность самой полемики выглядит сомнительной, поскольку «...бить тараном критики в стены здания национального исторического нарратива, в общем, есть занятие весьма занимательное, но по большому счету бессмысленное» (с. 10).

Парадокс заключается в том, что Верхотуров фактически стал на позицию современных неоантинорманистов, утверждающих, что признание варягов-руси норманнами подрывает русский национальный нарратив и тем самым ставит под сомнение «оформление и сплочение русской нации». Тогда таранные удары по национальному нарративу становятся уже не бессмысленным, а прямо опасным и подрывным действием. «Призвание варягов и возникновение Руси всегда было наиболее проблемным местом русской национальной идеи, – утверждает Верхотуров, – В отношении других периодов русской истории подобных проблем не было, там вполне объективные исторические свидетельства достаточно хорошо ложились в общую структуру национального нарратива. Там можно было без особого труда выделить и живописать нужные героические моменты. Нарративу не соответствовал лишь самый первый, начальный пункт русской истории – призвание князей «из-за моря», как писал Нестор. Вокруг этого пункта и развернулись основные споры, суть которых с точки зрения оформления национального нарратива состояла в том, чтобы ликвидировать политическую угрозу, проистекавшую из основания государства иноземными правителями» (с. 10-11). Но разве еще Ломоносов, Венелин, Забелин, Иловайский не акцентировали внимания на политических опасностях идеи об «иноземных правителях»? И разве противостоящие им историки не пытаются уже почти два с половиной века уже объяснить, что иноземное происхождение правящей династии не содержит в себе ничего унижительного для национальной чести и уж

¹⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2016. С. 109-110.

¹⁷ Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.

тем более не способно нести никакой политической угрозы?

Довольно странно выглядит утверждение автора о том, что призвание варягов было единственным «слабым звеном» в рассказе о героическом прошлом русского народа. Разве молниеносное покорение Руси татарами-монголами и их почти трехвековое господство не создавало проблем для гипотетических творцов «национального нарратива»? Однако же вся татарская эпопея очень органично вплелась в назидательный рассказ о прошлом: поражения смягчались описанием героического сопротивления захватчикам, порабощение увязывалось с разделением Руси, а торжество над врагом – с объединительной миссией Москвы. Так из потенциально «неудобного» исторического эпизода получился не только героический, но и поучительный «нарратив». Проигранные Россией войны тоже вписывались в «национальный нарратив» без особого труда, чаще всего опять же подчеркиванием героического сопротивления и нанесенного врагу урона. Пример того, как это может работать, демонстрирует в своей работе сам же Д. Н. Верхотуров, отказывающийся считать Крымскую войну проигранной (с. 168). Неужели из призвания заморских князей, даже если посчитать его чем-то унижительным для русских, никто не смог сделать нарратива, не унижающего «народной чести»?

В реальности российские историки неоднократно создавали выраженные во вполне патриотическом духе «нарративы», в которых фигурировало призвание норманнской династии. Такова, например, «История Государства Российского», которую сам же Д. Н. Верхотуров называет эталонным корпусом русского национального нарратива (с. 19), несмотря на то, что государство Российское у Н. М. Карамзина основывается скандинавами. Не менее показателен М. П. Погодин, который писал о целом норманнском периоде в истории России и даже о полном политическом господстве

варягов над славянами, что не помешало ему создать вполне патриотичный нарратив о превосходстве спокойной и величественной России над мятущимся и мятежным Западом, и этот нарратив нашел благосклонный прием как у правительства, так и у широкой публики.

Как видно, «национальные нарративы» бывают разными, о чем Д. Н. Верхотуров, несомненно, знает (в «Свидетельствах мертвых варягов» он упоминает ряд конкурирующих русских национальных нарративов – государственный, советский, националистический, неоязыческий и проч.¹⁸), однако на протяжении большей части рецензируемой работы говорит только об одном нарративе, в котором норманнам не должно быть места. Отказ от этого нарратива, в представлении автора, грозил России и российской нации самыми плачевными последствиями. Призвание варягов он считает ««ахиллесовой пятой» российского исторического нарратива», по которому Миллер нанес ощутимый удар (с. 73). Нетрудно заметить, что позиция Д. Н. Верхотурова идентична мнениям Ломоносова и даже Фомина, обвинявших великого и несчастного ученого в «подрыве устоев». Представленное у Карамзина сочетание величия и славы славян с доказательствами призвания скандинавских князей представляется Д. Н. Верхотурову «парадоксальным» (с. 115) – то есть правы норманофобы, считающие призвание норманнов для славян унижительным? Характеризуя Д. И. Иловайского, автор приписывает ему понимание того, что призвание неславянских князей «является наиболее слабым звеном всего нарратива, трещиной в стволе могучего дуба государственной идеологии, из-за которой он может быть сломлен политическими бурями». (с. 256). Становление русского национализма с соответствующим смещением акцентов в «национальном нарративе» Д. Н. Верхотуров

¹⁸ *Верхотуров Д. Н. Свидетельства... С. 264-266.*

увязывает с опасностями, которые несла для России эпоха империализма: «В то время европейские державы делили страны, не сумевшие оказать им сопротивление, на части, обращали в протектораты, эксплуатировали и грабили. И с Россией могли обойтись так же, если бы она не давала отпор европейским притязаниям» (с. 252). Тут уже антинорманизм представлен чуть не спасением России, которую без него того гляди расчленили бы и ограбили. Но какова была реальная правдоподобность такого сценария для Российской империи второй половины XIX века? Не была ли Российская империя, перефразируя Муравьева-Вешателя, не среди тех, кого грабили и расчленили, а среди тех, кто грабил и расчленил? И насколько расчленение Польши и ограбление Китая можно объяснить отсутствием у поляков и китайцев подходящих «национальных нарративов»?

Заметно, что автор старается по возможности обойти неизбежно возникающий вопрос: если реальные исторические факты не дают создать качественный национальный нарратив и тем самым несут угрозу нации, то не лучше ли историкам лгать, искажать и подтасовывать факты? Что, в конце концов, важнее – «правильный» нарратив или историческая истина? Суждения автора по этому поводу несколько путаны и противоречивы. Выше уже цитировался отрывок о несущественности наличия вымысла для национального нарратива – куда важнее его способность сплачивать нацию; иными словами, в деле национального строительства красивая ложь явно предпочтительней невзрачной правды. Но в другом месте автор пишет: «Краугольным камнем национального исторического нарратива может быть только истинное историческое сочинение, которое должно быть основано на подлинном первоисточнике, очищенном от выдумок и позднейших приписок» (с. 103). Заметим попутно, что сказанное не мешает Д. Н. Верхотурову считать основой русского

национального нарратива «Синописис» Иннокентия Гизеля (с. 26), мало похожий на «истинное историческое сочинение» или «подлинный первоисточник», не говоря уже об очищении от выдумок и приписок. Наконец, оказывается, что, хотя научная основательность для нарратива и желательна, но «цели нарратива всё же выше» (с. 218). В дальнейшем изложении Д. Н. Верхотуров признает, что «высшие» цели нарратива то и дело противоречат его научной составляющей: «Письменные источники не желают ложиться в рамки выдвинутой версии нарратива, что совершенно неудивительно, поскольку они описывают совершенно иную реальность, к делу национального строительства отношения не имеющую» (с. 261). Но если, как утверждалось до этого, «цели нарратива выше», то выходит, что для сотворения полноценного нарратива можно и нужно перевернуть источники? Вывод напрашивается именно такой, хотя автор его и не озвучивает, – наоборот, он даже неоднократно цитирует знаменитое изречение Т. Масарика о том, что великое не может основываться на лжи.

Любые исторические факты могут быть истолкованы в духе политической злобы дня; любые исторические исследования могут содержать политические подтексты и отсылки к современности. Однако в работе Верхотурова политическим и прочим вненаучным контекстам спора о варягах уделено особенно много внимания. Пожалуй, даже слишком много для историографической работы. В этом плане Д. Н. Верхотуров сходен, как это ни странно, со многими антинорманистами, в чьих публикациях политический аспект норманнского вопроса неумеренно гиперболизируется. Достаточно типично, например, заявление Парамонова о том, что «норманизм» (т. е. признание руси скандинавами) – теория не научная, а политическая¹⁹. Фомин выводит «норманизм» из политических амбиций шведских

¹⁹ Лесной С. История руссов. Славяне или норманны? М., 2016. С. 313.

королей²⁰. Схожую позицию занимает Л. П. Грот, считающая, что «норманизм» возник из шведского шовинизма и экспансионизма. Любопытно, что, сколь ни далеки исторические и историографические идеи Фомина или Грот от взглядов Д. Н. Верхотурова, все они солидарны в том, что принятие тезиса о скандинавской природе варягов подрывает русское национальное самосознание, или, как выразилась Грот, «из-за норманизма российская история оказалась лишенной собственных корней».²¹ Когда Грот пишет про «традиции составлять выдуманные истории и жить с ними»²² или определяет национальную идею как «детище национальной истории, представленной картинами славного прошлого народа»²³, то в «выдуманных историях» и в «картинах славного прошлого» трудно не узнать «национальные нарративы», о которых столь много говорит Д. Н. Верхотуров. «Дать обществу его «светлое прошлое» — значит поддержать общество в годину лишений и морального разложения и вдохновить на работу для достижения стабильного будущего»²⁴, — вещает Грот, и Д. Н. Верхотуров в разбираемом труде как бы завершает ее мысль: «Сомнения типа “кто мы, откуда и куда идем?” неизбежно ведут к разброду и шатаниям, приводящим к политическому угасанию нации» (с. 260).

Более того, автор принимает ту трактовку понятия «антинорманизм», которую пытаются навязать в своих работах Фомин, Грот и прочие норманофобы. Для них «норманистом» становится всякий, кто признает варягов скандинавами. Д. Н. Верхотуров, принимая за русский национальный нарратив «Синописис», в котором варяги отнесены к славянам, де-

факто присоединяется к этой позиции, или, по крайней мере, никак против нее не возражает. Между тем то обстоятельство, что по такому критерию в антинорманисты не попадают даже Иловайский и Рыбаков (которые отрицали роль варягов в образовании Древнерусского государства, но безусловно признавали их скандинавское происхождение), делает этот критерий как минимум сомнительным.

Да и в целом деление историков на два лагеря, навязываемое радикальными антинорманистами, едва ли обосновано. Ни «норманизма», ни даже «неонорманизма» в реальности не существует²⁵, как никогда не существовало в биологии «вейсманизма–морганизма». Антинорманистская же тенденция в отечественной историографии имеет градации, и потому следует отличать дореволюционных и советских антинорманистов, многие из которых были великими учеными, от современных «неоантинорманистов» или «норманофобов», пытающихся вернуть историческую науку в позапрошлый век. Верхотуров это важное различие игнорирует, однако по ходу изложения то и дело отмечает, что позиции многих историков плохо укладываются в жесткую дихотомию «норманизм–антинорманизм». Так, взгляды Щербатова он характеризует как «любопытное смешение концепций Миллера и Ломоносова в сочетании с собственными оригинальными суждениями» (с. 83). Прекрасно сказано, и это можно отнести к едва ли не каждому выдающемуся историку России. Если, к примеру, И. Н. Болтин, с одной стороны, отделяет варягов от славян, с другой – славян от русских, но, с третьей, относит всех их к сарматам и при этом считает бесполезным возводить русскую историю ранее Рюрика, то к какому «лагерю» следует его относить – «норманистов» или антинорманистов? А куда прописать В. Н. Татищева, у которого варяги-

²⁰ Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь...2005. С. 15-16.

²¹ Грот Л. П. Призвание варягов, или норманны, которых не было. М., 2013. С. 365.

²² Там же. С. 358.

²³ Там же. С. 26.

²⁴ Там же. С. 63.

²⁵ Губарев О. Л. «Неонорманизм» или неоантинорманизм? // *Stratum plus*. № 5. 2015. С. 353.

русь – финны, а все прочие варяги – скандинавы и который писал об «уничижении» славян после призвания Рюрика?²⁶ Верхотуров считает сильной стороной Гедеонова приводимые им параллели между русской историей и историей западных славян (с. 237); но задолго до Гедеонова такие параллели приводил в своем капитальной труде С. М. Соловьев, который на основании этих данных оценивал норманское влияние как минимальное и отказывался выделять особый «норманнский период» в русской истории²⁷. Считать ли в таком случае Соловьева антинорманистом? Но он даже не думал отрицать ни скандинавского происхождения варягов, ни основания русского государства призванными варяжскими братьями. Достоверность легенды о призвании оспаривал А. А. Шахматов, на труды которого любили ссылаться антинорманисты – как советские (Рыбаков²⁸), так и современные (Меркулов²⁹). Но он же писал о многочисленных скандинавах, колонизирующих Восточную Европу. Советский академик Рыбаков, будучи непримиримым обличителем «норманизма», выделял, однако же, «норманнский период» в ранней русской истории³⁰, пусть и хронологически более сжатый, чем у царского академика Погодина; при этом основание русского государства норманнами он отрицал. Амальрик был исключен из университета за «норманистскую» курсовую работу, однако Верхотуров в «Свидетельствах мертвых варягов» вполне резонно отказывается зачислять его в норманисты – «хотя бы

потому, что он использует целый ряд тезисов, выработанных и выдвинутых антинорманистами»³¹. Для Фомина Лев Самуилович Клейн был «конунгом норманизма», Верхотуров же указывает, что «Клейн в 1960 году следовал общему направлению советской критики норманизма»³². Примеры можно множить бесконечно, но главное понятно и так: ярлыки «норманиста» и даже «антинорманиста» мало о чем говорят, позиция каждого серьезного историка нуждается в уточнении и детализации.

Не является ли сама дихотомия «норманизм-антинорманизм» нарочито упрощенной, искусственной и имеющей скорее политическое, нежели научное происхождение? На жестком разделении и противопоставлении настаивают именно норманофобы, и это не случайно. В рассматриваемой работе упоминаются труды М. О. Кояловича, которые, как показывает автор, заложили традицию представлять отечественную историографию полем битвы «патриотичных» русских историков с «немецкими злоумышленниками» (с. 285-288). Примерно в то же самое время, в последней трети позапрошлого столетия, в очевидной связи с политическим противостоянием империям Габсбургов и Гогенцоллернов и востребованностью идеологии панславизма получили широкое распространение сами термины «норманизм» и «антинорманизм», причем первому из них была придана негативная коннотация (с. 262). Не тогда ли рядовой научный спор приобрел ту нездоровую ауру, которая побудила Ключевского назвать споры о варягах «явлениями патологии»³³? К сожалению, Верхотуров, хотя и вдохновлялся при написании работы идеями социального конструктивизма, не задается естественно возникающим вопросом – в какой степени

²⁶ *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 1. М., 2016. С. 458.

²⁷ *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1-2. М., 1988. С. 52, 258-264, 324-325.

²⁸ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. 2-е изд. М., 2014. С. 188, 478.

²⁹ *Меркулов В. И.* Откуда родом варяжские гости? М., 2005. С. 68.

³⁰ *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX – середины XIII века // Вопросы истории. № 4. 1962. С. 36-39.

³¹ *Верхотуров Д. Н.* Свидетельства... С. 114.

³² Там же. С. 117.

³³ *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). М., 1989. С. 136.

являются «сконструированными» сам варяжский вопрос и навязываемая националистически настроенными историками дихотомия «норманизма» и «антинорманизма». Вместо деконструкции он предпочитает поверить Фомину и его последователям на слово, принимая навязываемые ими правила игры, в том числе и тезис про «оформление лагерей норманистов и антинорманистов» (с. 5). Столь же доверчиво соглашается он и с настойчиво проталкиваемой тем же Фоминым идеей рассматривать Ломоносова как основоположника современного неоантинорманизма (с. 70). Что Фомину хочется видеть себя идейным наследником Ломоносова (в то время как его реальная историографическая родословная восходит самое раннее к Забелину, если не к Н. Н. Ильиной) – это по-человечески понятно. Что для обоснования этой позиции современные норманофобы прибегают к умалчиванию и подтасовкам (например, ни словом не упоминают того, что Ломоносов отвергал гипотезу о связи варягов с Вагрией³⁴) – это вполне ожидаемо. Менее понятно, почему Верхотуров некритично следует в русле этой националистической традиции, никак не показывая ее искусственность и нарочитую полемическую упрощенность.

Применяя методологию Ш. Занда и Б. Андерсона к историографии варяжского вопроса, Д. Н. Верхотуров сразу же сталкивается с серьезным затруднением. Формирование наций и соответствующих национальных нарративов имело место в позапрошлом столетии. Первый спор о варягах произошел гораздо раньше, в 1749 году. По Д. Н. Верхотурову, ожесточенность спора была вызвана атакой «немцев» на уже сформировавшийся русский национальный нарратив, основанный на «Синописе». Получается, что русская нация, русское национальное самосознание, русский

национальный нарратив – всё это появилось на свет гораздо раньше, нежели в Западной Европе и вообще где бы то ни было в мире. Чтобы выйти из затруднения, Верхотуров ссылается на специфические условия России: если в Западной Европе становление национальностей происходило в противостоянии религиозному универсализму католической церкви, культурной гегемонии латинского языка и династическому принципу, то в России православная церковь, «общепонятный» церковнославянский язык и древняя непрерывная династия, наоборот, способствовали ускоренному становлению национального самосознания (с. 13-16). Нетрудно заметить, что Верхотуров значительно искажает реальную картину. Представленная им схема противостояния национализма религиозному универсализму, латыни и правящим династиям приложима лишь к некоторым странам Западной Европы (в первую очередь, конечно, к Германии). Во Франции же, например, Галликанская церковь стала одной из опор королевской власти, централизации и национального строительства (включая формирование соответствующего национального нарратива). С древней и непрерывной династией во Франции всё обстояло даже лучше, чем в России – вплоть до окончательного падения монархии каждый правящий король мог вывести свою родословную по мужской линии от Гуго Капета, в то время как родство Романовых с Рюриковичами, значимость которого особо подчеркивается Д. Н. Верхотуровым (с. 15), выглядело довольно дальним, чтобы не сказать – натянутым. Что до языка, то, несмотря на сходство русского языка с церковнославянским, последний никогда не был «общепонятным», а становление русского литературного языка произошло достаточно поздно по сравнению с западноевропейскими – например, с тем же немецким, послужившим одним из образцов для Ломоносова при написании «Российской грамматики».

³⁴ *Аряев Л. Н. Норманофобия и ее фантомы. // Valla. Т. 4. № 1-2. 2018. С. 127.*

Если Д. Н. Верхотуров декларирует приверженность марксистской историко-социологической парадигме, он не может не учитывать, что становление наций тесно сопряжено с развитием капиталистических отношений. Каким же образом Россия, ставшая на рельсы капиталистического развития гораздо позже Западной Европы, опередила ее в формировании национального самосознания? Насколько вообще обоснована уверенность Д. Н. Верхотурова в том, что к середине XVIII столетия можно говорить о наличии в России национального нарратива? Разброс мнений о национальном русском нарративе очень широк. Например, Г. Б. Гутнер относит время его утверждения к 30-м гг. прошлого века³⁵. Согласиться с такой датировкой трудно, но, во всяком случае, вопрос более чем сложен. Может быть, Д. Н. Верхотуров прав, и Россия под действием каких-то таинственных сил опередила весь мир в деле национального строительства, но для обоснования этого предположения нужно еще много дополнительных исследований. Иными словами, выбранный Д. Н. Верхотуровым «замковый камень» нужно очень долго обрабатывать, и при этом еще вопрос, насколько этот камень окажется надежным.

Словно не довольствуясь одной сложной задачей, Д. Н. Верхотуров вступает в обстоятельную полемику с Д. С. Лихачевым, стараясь доказать, что, вопреки мнению академика, русское летописание не переживало упадка вплоть до начала XVIII столетия (с. 16-22). Нужно это для того, чтобы «дотянуть» летописную традицию до предполагаемого времени появления русского национального нарратива, который, по Д. Н. Верхотурову, основан на летописи. Вне зависимости от корректности приводимой автором аргументации остается не совсем понятным, зачем ввязываться в заведомо спорную дискуссию, если в итоге основой

русского национального нарратива автор объявляет «Синописис». Ведь «Синописис» летописью не является. По справедливому замечанию Милюкова, русской исторической науке понадобилось разрушить «Синописис», чтобы добраться до настоящих аутентичных источников³⁶. Вообще утверждение Д. Н. Верхотурова, будто летописный материал служил главной опорой русского национального самосознания (с. 16), в корне ошибочно. Характерно, что в 1734 году Синод в ответе на запрос Академии Наук не рекомендовал печатать летописи: «Понеже в оных книгах писаны лжи явственныя... отчего в народе может произойти не без соблазна»³⁷. Д. Н. Верхотуров пытается перенести на русскую почву идеи Шломо Занда о мифологизированной истории Израиля, но не учитывает принципиального различия: в России, при всей важности истории для национального самосознания, история и исторические источники никогда не имели значения чего-то сакрального. По мнению Шломо Занда, слабое национальное самосознание израильтян нуждалось в религиозной опоре, чтобы противостоять угрозе ассимиляции, отсюда и проистекает стремление многих израильских историков отстаивать историческую достоверность библейских рассказов. Независимо от того, насколько прав Шломо Занд (взгляды которого принимаются далеко не всеми), это не имеет ничего общего с Россией и с русским народом, для которого угроза ассимиляции никогда не была реальной.

Д. Н. Верхотуров приписывает сакральное значение «Синописису», с покушения на который со стороны немецких критиков будто бы началась ожесточенная дискуссия о варягах. Но если «Синописис» действительно играл роль некоего священного текста, то остается непонятным, почему не вспыхивали столь же бурные дебаты, когда

³⁵ Гутнер Г. Б. Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль. Т. 17. № 1. 2017. С. 106.

³⁶ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1898. С. 8.

³⁷ Вестник общества истории и древностей Российских. Т. 24. Разд. 3. 1856. С. 49-50.

историческая наука оспаривала другие утверждения «Синописа» – например, происхождение русского народа от Мосоха, а имени «россы» – от «рассеяния», возведение креста апостолом Андреем, обретение Мономахом царского венца и т. д. Во времена Ломоносова, правда, отказ от истории о путешествии апостола в Россию еще мог восприниматься болезненно, но уже в XIX столетии никто не рассматривал это всерьез. Почему из всех сведений, сообщаемых «Синописом», лишь маловажное в общем контексте и лишь мимоходом отмеченное славянство варягов приобрело столь огромную значимость и стало предметом яростных полемик? Д. Н. Верхотуров никак это не проясняет, отчего вся его концепция о русском национальном нарративе работает вхолостую, не прибавляя к историографии варяжского вопроса ничего нового.

В целом соображения Верхотурова основываются на цепочке гипотез: 1) процесс национального формирования у русских начался значительно раньше, чем в Западной Европе; 2) национальный русский нарратив сформировался к середине XVIII века; 3) этим нарративом служил «Синопис»; 4) важной частью этого нарратива было славянство варягов. Из всего этого делается вывод – признание варягов норманнами обрушивает русский национальный нарратив, а в перспективе чревато ущербом и для русского национального самосознания. Каждая из этих гипотез по меньшей мере спорна; вероятность же того, что вся цепочка окажется верной, практически равна нулю.

Слабая обоснованность основной идеи повлекла за собой целый ряд других досадных промахов в рассматриваемой работе. Например, не может не вызывать удивления оценка, данная Н. М. Карамзину, аттестованному как «норманист по монаршей воле» (с. 105). Подразумевается, будто «норманистскую» трактовку начала Русского государства историк включил в свой труд по личному указанию Александра I. Взгляды знаменитого историка Д. Н. Верхотуров

определяет как националистические и славянофильские. Не задаваясь вопросом, можно ли быть националистом и славянофилом прежде появления национализма и славянофильства, автор утверждает, что Карамзин в своей «Истории государства Российского» уделял особое внимание славянам, «вплоть до отдельных глав» (с. 113). В реальности Карамзин посвятил быту и нравам славян дорюриковских времен не «главы», а ровно одну главу³⁸, что, пожалуй, не слишком много для 12-томного произведения. После публикации «Истории...» Карамзину пеняли за слабое внимание к деяниям славян. Декабрист М. Орлов в одном из своих писем упрекал историографа в излишнем объективизме и космополитизме: «Зачем ищет одну сухую истину преданий, а не приклонит все предания к бывшему величию нашего Отечества?.. Тит Ливий сохранил предание о божественном происхождении Ромула, Карамзину должно было сохранить таковое же о величии древних славян и россов»³⁹.

Да и в целом причисление Карамзина к славянофилам, со всеми скидками на условность такого термина применительно к началу XIX века, не может считаться верным. Широко известны слова Карамзина из «Писем русского путешественника»: «Немцы, французы, англичане были впереди русских по крайней мере шестью веками; Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их. Все жалкие иеремиады об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиогномии или не что иное, как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении. Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею

³⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. Кн. 1. Изд. 5. СПб., 1842. С. 31-68.

³⁹ Нечкина М. В. Декабрист М. Орлов – критик «Истории» Н. М. Карамзина // Литературное наследство. Т. 59. Кн. 1. М., 1954. С. 565.

в самом высшем состоянии, – для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Всё народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!»⁴⁰. Это больше похоже на манифест «западника», чем на высказывание «славянофила». Конечно, позднее Карамзин скорректировал свои взгляды, в «Записке о древней и новой России» он писал: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр»⁴¹. Однако в той же самой «Записке» Карамзин восторженно говорит о скандинавских корнях русского государства: «Скандинавия, гнездо витязей беспокойных – officina gentium, vagina nationum – дала нашему отечеству первых государей, добровольно принятых славянскими и чудскими племенами, обитавшими на берегах Ильменя, Бела-озера и реки Великой. «Идите, – сказали им чужд и славяне, наскучив своими внутренними междоусобиями, – идите княжить и властвовать над нами. Земля наша обильна и велика, но порядка в ней не видим»⁴².

По мнению Верхотурова, признание Карамзиным норманнского происхождения варягов в контексте мировоззрения историографа «выглядит как чужеродная заплатка, неизвестно откуда взявшаяся». Отсюда делается неожиданный вывод: «Иначе, чем указанием императора, их (доказательств шведского происхождения Рюрика) появления в тексте книги объяснить нельзя» (с. 113). Однако еще в 1802, то есть еще до того, как стать официальным историографом, Карамзин, рассуждая о

перспективах отображения отечественной истории в живописи, писал: «Художник отличит лица славянские от варяжских: первые должны быть нынешние русские, а за образец последних надобно взять шведские, норвежские или датские. Варяги были норманцы: сим общим именем назывались, как известно, жители упомянутых трех земель»⁴³. Как видим, никаких сомнений в норманстве варягов у Карамзина никогда не было и быть не могло. Почему же Верхотуров так настойчиво приписывает ему тайный антинорманизм?

По утверждению автора, Карамзин, доказывая скандинавское происхождение варягов, приводит аргументы А. Л. Шлёцера, но при этом очень мало на него ссылается. Далее Верхотуров указывает на письмо Карамзина Тургеневу 1808 года с просьбой прислать какой-то труд Шлёцера и делает вывод, что речь идет о «Несторе». Отсюда Верхотуров заключает, что Карамзин прочитал шлёцеровского «Нестора» через шесть лет после того, как использовал в своей «Истории...» шлёцеровские аргументы норманства варягов и шлёцеровскую периодизацию русской истории (с. 111-112). «Как такое может быть?», задается вопросом Д. Н. Верхотуров и тут же дает ответ: «Можно высказать следующее экстравагантное предположение, что требование вставить в книгу доказательства в пользу шведского происхождения варягов исходило лично от императора» (с. 112). Карамзин, по версии автора, не хотел цитировать Шлёцера, но не мог пойти против воли императора, поэтому использовал «скрытое цитирование Шлёцера» (с. 113).

В предположении Верхотурова экстравагантности гораздо больше, чем обоснованности. Он сам признает, что в цитируемом письме Тургеневу не сказано, о каком именно труде Шлёцера идет речь;

⁴⁰ Карамзин Н. М. Избранные произведения. В 2 тт. Т. 1. М.–Л., 1964. С. 417-418.

⁴¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 35.

⁴² Там же. С. 17.

⁴³ Карамзин Н. М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.–Л., 1964. С. 190.

откуда же берется уверенность, что Карамзин говорит о «Несторе», причем конкретно о *первой части* эпохального труда Шлёцера, в которой содержались доказательства норманнства варягов-руси⁴⁴? А ведь если это не так, если Карамзин имел в виду последующие части «Нестора» (например, третью часть, изданную в 1805 г.⁴⁵), то вся возведенная Верхотуровым конструкция немедленно рассыпается. Во-вторых, в примечаниях к 1-му тому Карамзин неоднократно дает ссылки на «Нестора»⁴⁶, – пусть их не много, по мнению Верхотурова, но вполне достаточно, чтобы понять, что, вопреки Верхотурову, при написании первого тома Карамзин уже имел эту книгу под рукой и активно ею пользовался. Что до периодизации истории России, повторенной (с критическими замечаниями) Карамзиным, то, во-первых, она появилась не в «Несторе», а в гораздо более ранней работе 1769 г.⁴⁷, во-вторых – Карамзин упоминал об этой периодизации в предисловии, написанном уже при подготовке первых восьми томов к печати, в 1815 году.

Далее: приводимые Карамзиным и повторенные (не совсем точно) Верхотуровым доказательства скандинавского происхождения варягов не являются специфически «шлёцеровскими». Норманнские имена первых князей и дружинников, свидетельства Луитпранда, гвардия варангов в Константинополе – обо

всем этом писали еще Байер и Миллер⁴⁸. О русских (норманнских) названиях днепровских порогов, помимо Шлёцера, писал Тунманн, на которого и ссылается Карамзин⁴⁹. Говоря о Рослагене, Карамзин, помимо Шлёцера, опирается на того же Тунманна и на Далина⁵⁰. На известия Бертинских анналов о послых народа рос, оказавшихся на поверку свеонами, задолго до Шлёцера указывал Байер⁵¹. Единственным оригинальным шлёцеровским доказательством можно посчитать разве что указание на сходство древнерусских законов со скандинавскими, но и об этом говорилось еще до Шлёцера – например, в работе Штрубе де Пирмонта 1791 г.⁵².

Даже если сделать максимальную уступку Верхотурову и принять на веру, что аргументы в пользу норманнства варягов кто-то Карамзину подсказал, то почему нужно считать, что это сделал именно император? Что Карамзину при работе над «Историей...» помогали – это общеизвестный факт, но делал это не царь, а историки, коллекционеры, издатели и архивисты – А. Ф. Малиновский, П. М. Строев, К. Ф. Калайдович, А. И. Мусин-Пушкин, Н. П. Румянцев, А. Н. Оленин и др. Каждый из них мог указать историографу на «шлёцеровские» аргументы в пользу скандинавской природы варягов-руси, если тот по какому-то фантастическому стечению обстоятельств никогда о них не слышал.

И самое важное – нет ни малейших указаний на то, что царь направлял Карамзина в его работе и давал ему указания, как и в каком ключе отражать то или иное историческое событие. Наоборот, это

⁴⁴Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer, Erster Teil. Göttingen, 1802. S. 177-187.

⁴⁵Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer, Dritter Teil. Göttingen, 1805.

⁴⁶ Например, Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1. Примеч. 71, 73, 89, 106, 108, 120, 261, 267, 283, 284, 302.

⁴⁷ Schlözer A. L. von: Kleine Weltgeschichte II. Geschichte von Russland. Göttingen, 1769.

⁴⁸ Байер Г. З. Сочинение о варягах / Пер. Кирияка Кондратовича. СПб., 1767; Миллер Г. Ф. О происхождении народа и имени российского // Избранные труды. М., 2007.

⁴⁹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1. Прим. 102.

⁵⁰ Там же. Примеч. 107, 108.

⁵¹ Байер. Г. З. Сочинение о варягах... С. 9-11.

⁵² Штрубе де Пирмон Ф. Г. Рассуждение о древних россиянах. СПб., 1791. С. 120-124.

Карамзин пытался направлять царя. Широко известна «Записка о старой и новой России», в которой Карамзин с высоты своего историографического опыта поучает Александра I управлению империей, дает советы в области юриспруденции, военного дела, дипломатии, экономики... Насколько правдоподобно, чтобы при всем при этом историк по указанию царя шел против своих научных взглядов, правил текст исторической работы и «по монаршей воле» из антинорманиста превращался в норманиста? Не проецирует ли Верхотуров на начало XIX века ситуацию, более характерную для середины века двадцатого?

К сожалению, автор неоднократно обнаруживает склонность к выдвиганию гипотез, не подкрепленных ничем, кроме догадок и общих рассуждений. Касаясь Петра Великого, Верхотуров обещает раскрыть причину, побудившую царя-преобразователя основать Академию Наук (с. 32); в итоге всё ограничивается *предположением*, что Петру не нравилась этимология слова «россы» от «рассеяния», и он хотел получить от ученых более «благозвучную» версию (с. 37)! В другом месте Д. Н. Верхотуров мимоходом, как об общеизвестном факте, упоминает, что концепция советского народа была изобретена Нечкиной в 1944 г (с. 15); но разве еще в 1938 г. не звучала песня о советском народе, который в случае нападения врага как один человек за свободную Родину встанет? Подобного рода бездоказательные утверждения очень портят рассматриваемую книгу и способны подорвать доверие к выводам автора.

В продолжении разбираемой работы – «Свидетельстве мертвых варягов» – склонность автора к слабо обоснованным предположениям только усиливается. Чего стоит одна его «гипотеза» (скорее художественный вымысел, даже с придуманным диалогом), будто арест Л. С. Клейна был вызван его отказом написать «обобщающую монографию по варяжскому

вопросу».⁵³ Примечательно, что Верхотуров тут опять льет воду на мельницу Фомина с его странной концепцией «советского мнимого антинорманизма», – если верить Верхотурову, советское партийное руководство негласно поощряло «норманизм».

Сама по себе идея рассмотреть вопрос о варягах в контексте идей социального конструктивизма довольно интересна и перспективна, однако, как ни это ни печально, приходится признать, что с поставленной перед собой задачей автор не справился. Смещение фокуса исследования с историографического на политический контекст исказило перспективу, что привело к целой серии бездоказательных предположений и домыслов. Но, несмотря на всё это, книга Д. Н. Верхотурова очень интересна, она содержит множество малоизвестных фактов, оригинальных идей и тонких наблюдений. Каково бы ни было дальнейшее развитие спора о варягах, разбираемая работа займет достойное место в его истории.

⁵³ Верхотуров Д. Н. Свидетельства... С. 161.

Библиография

- Авдусин Д. А.* Современный антинорманизм // Вопросы истории. № 7. 1988.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. 2016.
- Аряев Л. Н.* Норманофобия и ее фантомы // Valla. Т. 4. № 1-2. 2018.
- Байер Г. З.* Сочинение о варягах / Пер. Кирияка Кондратовича. СПб., 1767.
- Варяго-русский вопрос в историографии: Сборник статей и монографий / Сост. и отв. ред.: В. В. Фомин. М., 2010.
- Верхотуров Д. Н.* Неизвестный Михайло Ломоносов // Альманах Лебедь, № 343, 5 октября 2003. URL: <http://lebed.com/2003/art3494.htm> (дата обращения: 02. 02. 2022).
- Верхотуров Д. Н.* Продолжение спора о варягах // Альманах Лебедь, № 432, 3 июля 2005. URL: <http://lebed.com/2005/art4239.htm> (дата обращения: 02. 02. 2022).
- Верхотуров Д. Н.* Донос как метод научной полемики // Valla. Т. 1. № 6. 2015.
- Верхотуров Д. Н.* Три века спора о варягах. Летопись и варяги. М., 2020.
- Верхотуров Д. Н.* Свидетельства мертвых варягов: история трех веков спора о варягах. М., 2021.
- Вестник общества истории и древностей Российских. Т. 24. Разд. 3. 1856.
- Грот Л. П.* Призвание варягов, или норманны, которых не было. М., 2013.
- Губарев О. Л.* «Неонорманизм» или неоантинорманизм? // Stratum plus. № 5. 2015.
- Гутнер Г. Б.* Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль. Т. 17. № 1. 2017.
- Занд Ш.* Кто и как изобрел еврейский народ. М., 2010.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. Кн. 1. Изд. 5. СПб., 1842.
- Карамзин Н. М.* Избранные произведения. В 2 тт. Т. 1. М.–Л., 1964.
- Карамзин Н. М.* О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.–Л., 1964.
- Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
- Клейн С. Л.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.
- Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). М., 1989.
- Коновалова И. Г., Мельникова Е. А.* Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций (IX–X вв.). М., 2018.
- Лесной С.* История руссов. Славяне или норманны? М., 2016.
- Меркулов В. И.* Откуда родом варяжские гости? М., 2005.
- Миллер Г. Ф.* О происхождении народа и имени российского // Избранные труды. М., 2007.
- Милюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1898.
- Нечкина М. В.* Декабрист М. Орлов – критик «Истории» Н. М. Карамзина // Литературное наследство. Т. 59. Кн. 1. М., 1954.
- Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX – середины XIII века // Вопросы истории. № 4. 1962.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. 2-е изд. М., 2014.
- Скандинавomanия и ее небылицы о русской истории / Сост. и ред. В. В. Фомин. М., 2015.
- Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1-2. М., 1988.
- Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 1. М., 2016.
- Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссий по варяжскому вопросу. М., 2005.

Фомин В. В. Варяго-русский вопрос в отечественной историографии XVIII–XX вв. Автореферат диссертации ...доктора исторических наук. М., 2005.

Фомин В. В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006.

Фомин В. В. Голый конунг: Норманизм как диагноз. М., 2013.

Шлёцер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, имь самимъ описанная (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ: Томъ тринадцатый). СПб., 1875.

Шлёцер А. Л. Русская грамматика: 1-2 / А. Шлёцер; с предисловием С. К. Булича; издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1904.

Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.

Штрубе де Пурмон Ф. Г. Рассуждение о древних россиянах. СПб., 1791.

Schlözer A. L. Kleine Weltgeschichte II. Geschichte von Russland. Göttingen, 1769.

Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer, Erster Teil. Göttingen, 1802.

Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer, Dritter Teil. Göttingen, 1805.

Сведения об авторе

Аряев Леонид Николаевич, врач-психиатр Тюрингской клиники психиатрии, психотерапии и психосоматической медицины, г. Зальфельд (Германия). Область научных интересов: история Древней Руси.

E-mail: l.aryayev@yandex.ru

L. N. Aryaev

WHO AND HOW INVENTED THE NORMAN QUESTION

(REVIEW ON: *VERKHOTUROV D. N. THREE CENTURIES OF DISPUTE ABOUT THE VARANGIANS. THE CHRONICLE AND THE VARANGIANS. MOSCOW: VECHE, 2020. 320 P.*)

Annotation: This article reviews the monograph by D. N. Verkhoturov who investigated about Varangians and their role in building the Old Russian state. Despite numerous methodological errors and controversial conclusions, the book contains new perspective approaches, unknown facts, and original observations. This book is a valuable contribution to the discussion of the Norman question.

Keywords: historiography, Varangians, Old Rus, “Normanism”, Anti-Normanism.

References

Avdusin D. A. Sovremennyi antinormanizm [Modern Anti-normanism]. Voprosy istorii. No. 7. 1988. (In Russian).

Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, 2016. (In Russian).

Aryayev L. N. Normanofobiya i ee fantomy [Normanophobia and its phantoms]. Valla. 2018 No. 4 (1-2). Pp. 126-135. (In Russian).

Bayer G. S. Sochinenie o varyagakh [De Varagis]. Trans. by KiriyaK Kondratovich. St. Petersburg, 1767. (In Russian).

Varyago-russkii vopros v istoriografii: Sbornik statei i monografii [Varyago-Russian question in historiography: collection of articles and monographs]. Sost. i otv. red.: V. V. Fomin. Moscow, 2010. (In Russian).

Verkhotur D. N. Donos kak metod nauchnoi polemiki [Denunciation as a method of scientific polemics]. Valla. Vol. 1. No. 6. 2015. (In Russian).

Verkhotur D. N. Neizvestnyi Mikhailo Lomonosov [Unknown Mikhail Lomonosov]. Almanakh Lebed', No. 343. 5 oktyabrya 2003. URL: <http://lebed.com/2003/art3494.htm> (accessed: 02.02.2022). (In Russian).

Verkhotur D. N. Prodolzhenie spora o varyagakh [Continuation of the dispute about the Varangians]. Almanakh Lebed', No. 432, 3 iyulya. 2005. URL: <http://lebed.com/2005/art4239.htm> (accessed: 02.02.2022). (In Russian).

Verkhotur D. N. Tri veka sporov o varyagakh. Letopis' I varyagi [Three centuries of dispute about the varangians. The chronicle and the varangians]. Moscow, 2020. (In Russian).

Verkhotur D. N. Svidetel'stva mertvykh varyagov: istoriya trekh vekov spora o varyagakh [Testimonies of the Dead Varangians: A History of Three Centuries of Dispute about the Varangians]. Moscow, 2021. (In Russian).

Vestnik obschestva istorii i drevnostei Rossiiskikh [Bulletin of the Society of Russian History and Antiquities]. Vol. 24. Ch. 3. 1856. (In Russian).

Grot L. P. Prizvanie varyagov, ili normanny, kotorykh ne bylo [The vocation of the Varangians, or the Normans, who did not exist]. Moscow, 2013. (In Russian).

Gubarev O. L. "Neonormanizm" ili neoantinormanizm? ["Neo-Normanism" or Neo-Anti-Normanism?]. Stratum plus. No. 5. 2015. (In Russian).

Gutner G. B. Natsional'nyi narrativ i natsional'naya otvetstvennost' [National narratives and national responsibility]. Eticheskaya mysl'. Vol. 17. No 1. 2017. (In Russian).

Sand Sh. Kto i kak izobrel evreiskii narod [The Invention of the Jewish People]. Moscow, 2010. (In Russian).

Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. [History of the Russian State]. Vol. 1. Book.1. Edition 5. St. Petersburg, 1842. (In Russian).

Karamzin N. M. Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh [A note about ancient and new Russia]. Moscow, 1991. (In Russian).

Karamzin N. M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow–Leningrad, 1964. (In Russian).

Karamzin N. M. O sluchayakh i kharakterakh v rossiiskoi istorii, kotorye mogut byt' predmetom khudozhestv [About cases and characters in Russian history that can be the subject of art]. Karamzin N. M. Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh. Vol. 2. Moscow–Leningrad, 1964. (In Russian).

Klein L. Spor o varyagakh. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon [Dispute about the Varangians. The history of the confrontation and the arguments of the parties]. St. Petersburg, 2009. (In Russian).

Klyuchevskii V. O. Sochineniya [Collected Works]. In 9 vol. Vol. VII. Spetsialnye kursy (prodolzhenie). Moscow, 1989. (In Russian).

Konovalova I. G., Mel'nikova E. A. Drevnyaya Rus' v sisteme evraziiskikh kommunikatsii (IX–X vv.) [Old Rus in the system of Eurasian communications in IX–X c.]. Moscow, 2018. (In Russian).

Lesnoi S. Istoriya russov. Slavyane ili normanny? [History of the Russians. Slavs or Normans?]. Moscow, 2016. (In Russian).

Merkulov V. I. Otkuda rodом varyazhskie gosti? [Where do the Varangian guests come from?]. Moscow, 2005. (In Russian).

Miller G. F. O. proiskhozhdenii naroda i imeni rossiiskogo [About the origin of the people and the name of the Russians]. Izbrannye trudy. Moscow, 2007. (In Russian).

Milyukov P. N. Glavnye techeniya russkoi istoricheskoi mysli [The main currents of Russian historical thought]. Vol. 1. Moscow, 1898. (In Russian).

Nechkina M. V. Dekabrist M. Orlov – kritik “Istorii” N. M. Karamzina [Decembrist Orlov as a critic of the history by Karamzin]. Literaturnoe nasledstvo. Vol. 59. Book 1. Moscow, 1954. (In Russian).

Rybakov B. A. Obzor obschikh yavlenii russkoi istorii IX – serediny XIII veka [An overview of the general phenomena of Russian history in the 9th – mid-13th centuries]. Voprosy istorii. No. 4. 1962. (In Russian).

Rybakov B. A. Kievskaya Rus i russkie knyazhestva XII–XIII vv. [Kievan Rus and ancient Russian principalities in the 12–13th centuries]. Proiskhozhdenie Rusi i stanovlenie ee gosudarstvennosti. 2nd edition. Moscow, 2014. (In Russian).

Skandinavomaniya i ee nebylitsy o russkoi istorii [Scandinavian mania and its fables about Russian history]. Edit. and compil. by V. V. Fomin. Moscow, 2015. (In Russian).

Solov'ev S. M. Sochineniya [Collected Works]. In 18 books. Book. I. Vol. 1–2. Moscow, 1988. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneyshikh vremen: v 7 t. T. 1. [Russian history from the earliest times: in 7 volumes. Vol. 1]. Moscow, 2016. (In Russian).

Fomin V. V. Varyagi i varyazhskaya Rus. K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu. [Varangians and Varangian Rus. To the results of discussions on the Varangian issue]. Moscow, 2005. (In Russian).

Fomin V. V. Varyago-russkii vopros v otechestvennoi istoriografii XVIII–XX vv. [Varangian-Russian question in Russian historiography of the 18th–20th centuries]. Diss. ... cand. of Hist. Sciences. Moscow, 2005. (In Russian).

Fomin V. V. Lomonosov: Genii russkoi istorii [Lomonosov: the genius of Russian history]. Moscow, 2006. (In Russian).

Fomin V. V. Golyi konung: Normannizm kak diagnoz [The Naked King: Normanism as a Diagnosis]. Moscow, 2013. (In Russian).

Schlözer A. L. Obshchestvennaya i chastnaya zhizn' Avgusta Lyudviga Shletsera, im samim opisannaya [Public and private life of August Ludwig Schletzer described by himself] (Sbornik Otdeleniya russkago yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii Nauk: Tom trinadsatyi) [Coll. of Department of Russian language and literature of Imperial Academy of Sciences. Vol. 13]. St. Petersburg, 1875. (In Russian).

Shletser A. L. Russkaya grammatika: 1–2 [Russian grammar: 1–2]. A. Shletser s predisloviem S. K. Bulicha. Publ. House: Izdaniye Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. St. Petersburg, 1904. (In Russian).

Shnirel'man V. A. Voiny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Memory Wars: Myths, Identity, and Politics in Transcaucasia]. Moscow, 2003. (In Russian).

Shtrube de Pirmon F. G. Rassuzhdeniye o drevnikh rossiyanakh [Discourse about the ancient Russians]. St. Petersburg, 1791. (In Russian).

Schlözer A. L. Kleine Weltgeschichte II. Geschichte von Russland [Little World History II. History of Russia]. Göttingen, 1769. (In German).

Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer [Russian annals compared in their basic Slavonian language translated and explained by August Ludwig (von) Schlözer, first part. Göttingen, 1802. (In German).

Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer [Russian annals compared to their basic Slavonic language, translated and explained by August Ludwig (von) Schlözer, third part]. Göttingen, 1805. (In German).

About the author

Aryaev Leonid N., psychiatrist at the Thuringian Clinic for Psychiatry, Psychotherapy and Psychosomatic Medicine, Saalfeld (Germany). Research interests: history of Ancient Rus.

E-mail: l.aryayev@yandex.ru